

И кажется, какая в том печаль,
Подправленная водкой и сиренью, —
Легко играть заплачки на свирели
И никого на свете не прощаты?
Да в сердце что-то дрогнет невзначай:
Зачем ему в чужом пиру похмелье,
Чужие сны, чужие же сомненья,
Чужие встречи, как ни назначай?
Ни свадебной, ни похоронной песни,
Но музыка какая-то звучит,
И прорастает множество защит
Сквозь все слова, что так остры и пресны.

.....
Я думаю о бедном пастушке,
Которого я никогда не знала,
Маршрутке с абаканского вокзала,
Свистульке-птичке — песенке в руке,
Которой не поклонятся моря
Под скрип снегов ли, шелест листопада,
Но сердце не болело у меня
Так долго, что и дальше бы не надо.

Переизбыток вещей — это явная грусть.
Выбросить жалко, а в дело пустить не берусь.

А подарить? Ну кому они, людям, нужны?
Их у любого, что грешников у Сатаны, —

Много: флакончиков праздных пустых от духов,
Бедных листочков с обрывками глупых стихов,

Старых журналов, коробочек, тюбиков, тар.
Мой микромир непригляден, несчастен и стар.

И захламлён, даже если на вид чистота.
Нищие вещи про мир, где царит красота,

Тоже мечтают. А с ними мечтаю и я,
Выкликнул кто бы, заметил, окликнул меня,

Вывал из плена и в мир запустил бы иной,
Новый, где светятся вещи красой неземной.

Нет, им пристанище — в мусорках скорбно лежать,
Мне же опять суетиться, куда-то бежать,

Есть торопливо и чай из пакетиков пить,
Снова и снова печали и мусор копить.

Мне тошно, бес! Вернее, он не бес —
Обиженный бесёночек сердешный,
Продрогший мотылёк из тьмы кромешной,
Усталый гномик из страны чудес.
Не Фаусту, но мне дана с небес
Не Мефистофель, а ина зверушка.
А Фауст был серьёзен, как старушка,
И сразу во все тяжкие полез.
Чего, к примеру, стоит Маргарита.
Божественное скотство кобелей
Не признаёт ни женщин, ни детей
Людьми. И у разбитого корыта
Сидят и Фауст, и товарищ Ме,
Вкруг них мгновенья носятся прекрасны.
И я, и мой бесёнок с тем согласны,
И, чтением довольные вполне,
Идём отведать зла и пустоты:
Вещает телевизор многогрешный,
В нём некто, весь с иголки, успешный,
Внушает нам, что хуже, чем скоты,
Любые люди. Тщится на пределе
Дурацкую фигню нам доказать.
Поставьте вы природу, вашу мать!
Любите вы природу! В самом деле,
Нам нет корысти в этих дураках
Миллионерах, жёнах их певичах,
В разводах. И нехай мгновенье длится
У времени холодного в тисках,
Мы этот телевизор выключаем,
Чтоб маленький мой гномик не зачах.
Огромная тоска в его очах.
Пойдём, малыш, пойдём-ка выпьем чаю.
Смотри в окно, там осень на дворе,
Очей очарованье, не иначе.
Завариваю чай, а гномик плачет,
Совсем промокли крылья на столе.
Так много слёз в одном таком бесёнке,
Что, может быть, и сам он утечёт
В страну чудес (мол, тоже мне почёт —
тв и «Фауст») речкой по клеёнке.

● ● ●
Говоришь, абаканская дрена? Ну, стало быть, да.
Что о ней рассказать? В ней темна, неприглядна вода.
В ней русалки не водятся. Как ни мани и ни кличь,
Как синицей ни бейся и как журавлём ни курлычь,
Нет, не выйдут на берег загаженных вод городских,
Сколько песен ни пой ты призывных небесных, морских.

Никогда не бывал в сих краях их отец—водяной,
Только рыбы больные живут под холодной волной.
Не распустятся лотосы в ней—неземные цветы,
Только птицы небесные каркают нам с высоты,
Только небо, добрее которого нету нигде,
Отражается в полухмельной равнодушной воде.

Как обманчивы, гордо-цивильны, блестят берега,
А спускаешься к водам— всё та ж травяная пурга,
Та же память о горе топивших над этой рекой,
Те ж окурки, огрызки, стекляшки среды городской,
Будто не было благоустройства и только скажи
Разволшебное слово—появятся вновь гаражи
Вместо урн, и скамеек, и всех этих пар, и детей,
Одинокие грустные люди вблизи гаражей.

Посиди, помолчи, посмотри на другой бережок,
Там деревья стоят, и они нас сильнее, дружок,
Ты не бейся о землю с тоской, не курлычь и не хнычь,
Попытайся покой безмятежных страдальцев постичь,
Потому что обманчива жизнь и, увы, нелегка,
Потому что уносит печали и эта река,
Потому что печаль здесь предвечна и в лёгкой горсти
Никакая наяда не сможет её унести.

А уйдёшь ввечеру, перепутав и нечет, и чёт,
Ветер запах болота и свежесть тебе принесёт,
Ощущение тайны, какой-то неловкой любви,
Словно песню её—хочешь выброси, хочешь прими.

● ● ●
Я о своём всё, о денежном да о бумажном,
Думаю. Как-то нелепо, ведь праздник сегодня.
За суетой забываем о страшном, о важном,
Даже и слово забыли почти—Новогодье.

Прошное чёрным ли, белым встаёт год от года
То за спиной, то в упор к тебе перед глазами.
Где-то же было то важное, нужное что-то,
Если бы не было, мы бы об этом не знали.

Что ли, глумливое, лживое слово запало
В души и дыры прожгло, нас оставив живыми?
Имени Божьего всеу—боюсь как напалма,
Больше него, ведь оно—это главное имя.

Праздничный вечер в полях незабвенной печали,
Лёгких, незримых, с каким-то простым дуновеньем.
Что о свободе мы знали, о чём не сказали—
Не навязать, не убить, не развеять сомненьям.

● ● ●
В земле одиноких надежд и великих скорбей
Есть очи свои, но чужие
В холодное небо пускают живых голубей,
Не веря в Россию.
Так камень лежит, так подушка свивается в жгут,
Так тенью маячат,
Так врут, потому что боятся, что их не поймут,
Так плачут.
Кому я поверю? Кому я в глаза посмотрю? Кого оправдаю? —
Так чувствуют боль, так играют, желая — вничью,
Так ходят по краю.

● ● ●
Холодный ветер много лет назад,
Осенний ветер, в коем я согреюсь,
Серёжек тополиных дождепад,
Сметённых в кучи старых листьев прелость,
Но листьям нет числа, они летят

С тех тополей, с орлами в Поднебесье
Сравнимых духом, в душу и в глаза,
Летят на землю и на небеса,
Они до смерти в памяти, как песни,
Их образы — почти что образá,

Но никогда — совсем. И в десять лет
Креститься на деревья и поклоны
Им отбивать мне не хотелось, нет,
Лишь помню, как сказал один поэт,
Что в осени есть что-то от иконы, —

Кыштымов Анатолий из села
Московского. Я лучше не могла
Сказать и для того припоминаю,
Что вспоминаться важное должно,
Когда судьба своё веретено
Вращает, прозревая листьев стаю.

● ● ●
Лёгкое дуновенье, побудь со мной.
Как я устала от немощи и надсада.
Тем, кому счастье нужно любой ценой,
Ты ничего не скажешь, но им — не надо.
Словно улыбки плеск в утолчках рта,
Струн-паутинок бережные звоночки.
Осень хрупка и, кажется, золотá
Стала — совсем недавно, сегодня ночью.

● ● ●
Не яблоко, не тыблоко — оноблоко,
Как маленькое и ручное облако,
Как вещь в себе, что укусить нельзя.
Оноблок беспокойная семья,
Где все равны друг другу, неделима,
Окутывает мозг, летает мимо
По немирским законам бытия.

● ● ●
О том, как замышляла я побег,
Ну, от себя, на выходной хотя бы...
Смотрю в окно — там убирают снег.
Я думаю, что тоже так могла бы.

Но что-то лезет с жуткой остротой
Отчаянья, не дав начаться вою,
И бабушка, которая с зимой
Сражается, мне кажется святою.

Она скребёт лопатой и скребёт.
Когда же это кончится, о Боже?
И мне понятно: бегство не спасёт.
И целый день пропал — понятно тоже.

Закончила? Ей что-то говорит
Какой-то дядька, от зимы хрипатый.
Ну как же так — слабей меня на вид,
И как же так — с чужой большой лопатой.

И ахаю, как будто в первый раз
Всё это вижу, тонкая натура.
Она прочтёт мой сбивчивый рассказ
И скажет обо мне: «Какая дура!»

А мальчик, погоняющий серсо?
А вечное и радостное лето?
Зима, зачем тебе такое всё?
Молчит зима, не даёт ответа.

● ● ●
Вы знаете, быть может, нас убьют
И воздухом отравленным, и чем-то.
Год не успел прийти, но слишком крут
В своём столь неожиданном крещендо.
А где-то есть Младенец и пещера,
К нему волхвы с подарками идут.

Вы знаете, быть может, нам каюк.
Такой туман, такая тьма над миром —
Бездомная собака делать крюк
Не станет до жилья в пространстве стылом.
А где-то пахнет ладаном и смирной,
И это не причуда и не глюк,

И это радость, ангелы поют,
И пение — от неба до асфальта.
Но разве мы его услышим тут,
Где не закрыл никто из нас... гештальта?
Нам светят Ницца, Турция и Мальта,
И те, кто о гештальте общем лгут.

А кто-то говорит, что мы волхвы,
А кто-то злой: «Давайте поскромнее».
У нас всё очень муторно, увы,
Болеем, снег загаженный сереет,
Но сердце чуда ждёт — скорей, скорее,
И праздник не идёт из головы.